

УДК 94(47)"17/1991"

DOI 10.25688/2076-9105.2019.34.2.05

А. Г. Постников

Место и роль Балкано-Черноморского региона в политических и военных планах Германии и СССР летом – осенью 1940 года

Статья посвящена некоторым вопросам дипломатического и военно-политического соперничества между СССР и нацистской Германией за ряд государств Балканского полуострова летом – осенью 1940 года. На основе советских внешнеполитических документов, послевоенных показаний сотрудников МИД Германии и воспоминаний некоторых участников событий прослеживаются и анализируются основные приемы и методы, которые дипломаты обеих держав использовали для привлечения таких стран, как Румыния, Болгария и Турция.

Ключевые слова: бессарабский вопрос; германская пропаганда; нейтралитет Турции; Тройственный пакт; Черноморские проливы.

Несмотря на то что ни Балканский полуостров, ни Турция с прилегающими к ней областями в годы II Мировой войны не были главными театрами военных действий, в силу своего географического положения они нередко занимали довольно важное место в стратегических расчетах противоборствующих держав. Одной из главных целей для последних стало установление контроля над Черноморскими проливами, значение которых с военной и геополитической точек зрения было трудно переоценить. Соответственно, роль стран, находящихся в зоне проливов, также была очень велика. К их числу относились прежде всего Турция и Болгария, поэтому как накануне, так и почти в течение всей войны за влияние на них активно боролись все главные участники мирового конфликта. К тому же огромный интерес для воюющих держав представляли экономические и природные ресурсы данного региона. С этой точки зрения немаловажное значение имела и Румыния, располагавшая большими запасами нефти. Кроме того, посредством Дунайского бассейна эта страна связывала Черное море с Центральной Европой, что не могло не учитываться при разработке участниками конфликта их стратегических планов.

Таким образом, цель данной статьи состоит в определении места и роли ряда государств Балканского полуострова в процессе начавшегося в середине 1940 года открытого соперничества между СССР и Третьим рейхом. Необходимо рассмотреть и проанализировать основные приемы и методы, которые советские и германские дипломаты использовали для привлечения на свою

сторону этих стран, а также реакцию балканских правительств на исходящие из Москвы и Берлина инициативы. Как представляется, изучение вопроса о роли и значении этих областей накануне и в годы II Мировой войны имеет не только академическую, но и немалую практическую актуальность. Не секрет, что в условиях современного обострения международных противоречий проблемы, связанные как с Балканским полуостровом, так и с Ближневосточным регионом, вновь выходят на одно из первых мест.

Хронологическими рамками статьи являются лето – осень 1940 года. Это время окончания первого года мирового конфликта стало рубежным в плане развития международно-политической и военной ситуации в Европе. Поражение Третьей французской республики создало все условия для резкого усиления позиций нацистской Германии на континенте. Все это отразилось и на положении Балканских государств, которые до этого были почти не затронуты военными потрясениями. Отечественный исследователь Л. Я. Гибианский справедливо отмечает, что непосредственно ареной международно-политического кризиса Балканский полуостров стал в середине 1940 года, когда здесь был начат по существу насильственный пересмотр сложившихся после I Мировой войны границ [3: с. 481].

Начало этому процессу было положено в июне – июле 1940 года, когда Германия достигла военно-политической гегемонии почти во всей Европе, а СССР, реагируя на это, приступил к активным шагам на своих западных и юго-западных границах. Прежде всего, Кремль обратился к решению многолетнего бессарабского вопроса. При этом в Москве были готовы к применению всех возможных средств, не исключая использования вооруженной силы в случае, если Румыния не согласится на добровольный возврат Бессарабии и передачу Буковины. Попытки румынского правительства заручиться поддержкой Германии, Италии и стран Балканской Антанты не увенчались успехом. В результате румыны были вынуждены уступить требованиям СССР.

В германской дипломатической среде эта советская акция была воспринята довольно негативно. Об этом, в частности, свидетельствуют сообщения, которые в июне – июле 1940 года направлял в Москву советский полпред в Румынии А. И. Лаврентьев [6: с. 387; 431]. Да и в глазах самого Гитлера активизация СССР в этой части Европы несла потенциальную опасность для Германии, поскольку теперь, с его точки зрения, русские оказывались в угрожающей близости от нефтяных районов Румынии. Поэтому он решил создать прочную преграду, препятствующую дальнейшему продвижению СССР на юго-запад [12: с. 105]. В результате уже в начале июля полпред СССР в Берлине А. А. Шкварцев сообщал в НКВД, что германская дипломатия начала уделять исключительное внимание проблемам юго-востока Европы. По мнению советского дипломата, наряду с другими причинами это было вызвано в том числе и отходом к СССР Бессарабии и Северной Буковины. Более того, в передовой статье печатного органа Геринга «Националь цайтунг» прямо указывалось, что

именно по причине советской активности, вопросы юго-востока Европы снова выдвигаются на передний план [6: с. 421–422].

Под влиянием Бессарабских событий летом 1940 года Венгрия и Болгария в ультимативной форме потребовали от Бухареста вернуть им отторгнутые после I Мировой войны территории. И уже не надеясь на английскую защиту, Румыния вновь обратилась за поддержкой к Германии. Не желая допустить войны на Балканах и стремясь воспрепятствовать дальнейшему продвижению сюда СССР, германская дипломатия немедленно приступила к действиям. Их итогом, как известно, стали решения Второго Венского арбитража, согласно которым Румыния возвращала Болгарии и Венгрии часть земель, а взамен получала от Германии и Италии гарантии безопасности и целостности. Эти гарантии в дальнейшем должны были предотвратить возможные территориальные требования к Румынии со стороны СССР. В целом венские договоренности продемонстрировали пренебрежение Берлином и Римом позицией Москвы, фактически исключив СССР из числа влиятельных участников балканской политики [3: с. 496–497].

Дипломатическое противостояние СССР и Третьего рейха на Балканах продолжилось в ходе их соперничества за Болгарию, которая в планах обеих держав занимала не менее важное, чем Румыния, место. Для немцев Болгария традиционно была одним из главных и самых надежных поставщиков сельхозпродукции, а также некоторых видов сырья для военной промышленности. Еще в большей степени эта Балканская страна интересовала Германию с точки зрения использования ее территории, имевшей большое стратегическое значение. По свидетельству советника германского посольства в Софии А. Морманна, Верховное командование Вермахта планировало создать в Болгарии опорный пункт на Балканах [11: с. 381].

Однако уже в первые дни войны болгарское правительство выступило с декларацией о полном нейтралитете. Вместе с тем еще с середины 1930-х годов в правящих кругах Болгарии появилось немало сторонников сближения с Третьим рейхом, полагавших, что стремление Берлина ликвидировать версальскую систему объективно способствует реализации собственных ревизионистских планов Софии. Прогерманские настроения в болгарском руководстве были обусловлены также тесными и многолетними экономическими связями с Германией и большой зависимостью болгарской армии от поставок германского оружия и военной техники [1: с. 355]. Кроме того, отец и предшественник царя Бориса III на болгарском троне царь Фердинанд был немцем, и потому понятно, что сам Борис имел определенные личные симпатии к Германии. Поэтому, когда весной 1939 года новый германский посол Г. фон Рихтгофен прибыл в Софию, он нашел там весьма благоприятную для Германии политическую обстановку.

В то же время в первые месяцы войны противники Германии также оказывали на Болгарию существенное влияние, и прежде всего в экономической

и информационно-культурной сферах. С целью более эффективного противодействия такому влиянию как в Болгарии, так и в других странах в начале 1940 года в ведение МИД Германии была передана вся нацистская пропаганда за границей. Для ее активизации в каждое из посольств, в том числе и в германские представительства на Балканах, направлялись специальные атташе по вопросам прессы и культуры. На послов при этом возлагалась обязанность наблюдения и контроля за их работой. Для получения указаний на этот счет германские послы в странах Юго-Восточной Европы, в том числе и фон Рихтгофен, были вызваны в Берлин. В разговоре с ним фон Риббентроп прежде всего поднял вопрос о крайне неудовлетворительном, с точки зрения министра, положении в болгарской печати, публикующей слишком много английского и французского пропагандистского материала. Поэтому, по его мнению, первостепенная задача заключается в усилении воздействия на болгарскую общественность для ясного осознания ею того факта, что свои национальные интересы, связанные с возвратом отторгнутых в 1919 году земель, Болгария может реализовать только с помощью Германии [11: с. 445]. Вскоре сам фон Рихтгофен в беседе с прибывшим в Софию новым советником посольства Морманном с озабоченностью отмечал, что почти все политические и военные события в Европе преподносятся болгарскому народу в невыгодном для немцев свете, и указывал на недоброжелательное отношение болгарской прессы к рейху как на основной недостаток и недоработку германского представительства [11: с. 380].

Во исполнение указаний фон Риббентропа фон Рихтгофен совместно с атташе германского посольства по вопросам культуры профессором Кохом и пресс-атташе Обермайером провели большую работу по усилению германской пропаганды в Болгарии. Местные газеты, журналы и брошюры стали активно насыщаться материалами, доказывающими экономическую и военную мощь Германии и ее бесспорную победу в войне. Таким представителям болгарской общественности, как профессура, педагоги, сотрудники правоохранительной системы, торговых и промышленных предприятий и т. д., рассылались переведенные на болгарский язык отдельные большие статьи из немецких газет, а также речи Гитлера и других лидеров НСДАП. Кроме того, фон Рихтгофен неоднократно посещал болгарского министра иностранных дел Попова и заявлял ему о крайне отрицательной реакции германского правительства на широкое распространение в болгарской печати информации из источников, враждебных Германии. В результате всех мероприятий насыщенность болгарской прессы германскими информационно-пропагандистскими сведениями была доведена до такой степени, что эти сведения практически вытеснили все иные информационные материалы [11: с. 446]. Общим итогом влияния Германии на болгарское правительство в тот период, по признанию Морманна, стало то, что внешняя, а подчас и внутренняя политика болгарского руководства начала проводиться «в угодном для немцев направлении» [11: с. 380].

Для СССР Болгария также являлась важным звеном в системе безопасности его южных черноморских рубежей. Еще осенью 1939 года Москва предложила болгарам заключить советско-болгарский договор о взаимопомощи. Однако, опасаясь усиления советского влияния и следуя принципам политики нейтралитета, болгарское руководство не торопилось идти на такое соглашение. Тогда, пользуясь традиционной симпатией значительной части болгарской общественности к России и русскому народу, СССР инициировал проведение в Болгарии широкой агитационной кампании по линии Коминтерна в пользу своего предложения [3: с. 492]. Для укрепления своих позиций в Болгарии СССР оказал ей моральную поддержку в территориальном споре с Румынией, о чем еще 2 августа 1940 года И.В. Попов через советского полпреда в Софии А. А. Лаврищева просил председателя СНК и наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова [6: с. 471]. Стремясь подчеркнуть самые дружественные намерения в отношении Болгарии, Молотов в речи на сессии Верховного Совета СССР 1 августа 1940 года охарактеризовал советско-болгарские взаимосвязи как нормальные и отметил, что между двумя странами не существует никаких противоречий, которые бы мешали дальнейшему их улучшению.

Советские попытки установить союзнические отношения с Болгарией были связаны прежде всего со стремлением взять под контроль Черноморские проливы, стратегическое значение которых, в том числе и для обеспечения безопасности Крымско-Черноморского побережья России, являлось более чем очевидным. Потому позиция Турции, на территории которой эти проливы непосредственно располагались, имела для СССР также большое значение. В то же время, будучи не только причерноморской, но и одной из ближневосточных стран и находясь в силу этого на пересечении торговых путей и стратегических коммуникаций, Турция была объектом противоборства держав Оси и западных союзников. Таким образом, во внешнеполитических замыслах и расчетах как СССР, так и Германии Турецкая республика занимала хотя и не первостепенное, но все же достаточно важное место.

Усиление британских позиций в районе Черноморских проливов, произошедшее вследствие заключения 19 октября 1939 года англо-франко-турецкого договора о взаимопомощи, не только поставило под угрозу германские интересы в Юго-Восточной Европе, но также не могло не вызвать определенного беспокойства в Москве, где еще была свежа память об иностранной интервенции 1918–1920 годов. Тем более что с конца 1939 года появились вполне конкретные причины для такого рода обеспокоенности. Уже в октябре 1939 года в правительственных кругах и военном руководстве Англии и Франции возникла идея и появились первые наброски плана нанесения удара по советским нефтепромыслам на Кавказе с целью пресечения поставок нефти из СССР в Германию. Англо-французское командование также рассчитывало, что турки предоставят союзникам свои аэродромы, а с началом операции начнут активные действия в Закавказье. При этом турецкое командование не было принципиально против участия в намечаемой операции [7: с. 45–47].

Конечно, в Москве в достаточной мере были осведомлены обо всех этих замыслах и планах. Кроме того, германские дипломаты неоднократно информировали советских представителей о значительном давлении, которое Лондон и Париж оказывали на Турцию, пытаясь добиться ее согласия на окончательную блокаду проливов и Черного моря, с тем чтобы полностью пресечь транспортировку советской нефти из Батуми на Дунай и вообще «запереть» СССР с юга. Эта тема, в частности, обсуждалась 9 апреля 1940 года в беседе германского посла в Москве Ф. фон Шуленбурга с наркомом иностранных дел СССР.

После разгрома и капитуляции Франции, перечеркнувших англо-французские планы, неблагоприятная роль Турции в этом деле стала еще более очевидна. В Германии были опубликованы обнаруженные немцами во Франции документы под названием «Белая книга», касающиеся подготовки этой военной операции. Затем эти материалы были напечатаны в главной советской газете «Известия». По словам германского посла в Турции Ф. фон Папена, данная публикация вызвала ужас Москвы и большое замешательство в Анкаре [9: с. 452–453]. Все это как минимум усиливало недоверие и подозрительность в отношениях СССР и Турции, на что, безусловно, и рассчитывали немцы, не желавшие сближения этих стран на антигерманской почве, для чего к осени 1940 года сложились достаточно веские основания [4: с. 80].

С конца лета 1940 года отношение СССР к Турции, так же как и к другим странам Балкано-Черноморского региона, преимущественно определялось резким усилением позиций держав Оси и последовавшей за этим открытой германской экспансией на Балканах. Вскоре после Второго Венского арбитража немцы, формально по просьбе румынского правительства, направили в эту страну военную миссию с целью создания там морских и воздушных баз. Ни в СССР, ни в Турции все это не вызывало большого оптимизма и в обозримой перспективе вполне могло стать катализатором сближения этих стран на почве противодействия германскому проникновению на Балканы. В начале сентября 1940 года произошла смена советского полпреда в Турции. Новым представителем СССР стал С. А. Виноградов. 13 сентября 1940 года в беседе с советским полпредом в Румынии Лаврентьевым германский посол в этой стране Вильгельм фон Фабрициус дважды возвращался к данному вопросу, пытаясь выяснить, не является ли эта смена признаком изменения политики СССР. Германский дипломат даже обратил особое внимание на то, что в этой связи турецкое посольство в Бухаресте распространяет злостные слухи о коренной перемене советской позиции в отношении Турции и тем самым, по словам посла, турки стремятся посеять недоверие между СССР и Германией [6: с. 593–594]. Все это говорит о том, что германская дипломатия, безусловно, была несколько обеспокоена возможным советско-турецким сближением на антигерманской основе.

При этом по мере развития военных успехов Третьего рейха, сами турки все больше дистанцировались от своих англо-французских союзников,

постепенно переходя на позиции полного нейтралитета. Панический страх турецкого руководства перед приближающейся войной был главной движущей силой этого процесса. Немцы же всячески способствовали усилению такого страха. В германском посольстве в Анкаре фон Папен представлял туркам кадры немецкой военной кинохроники, запечатлевшей победоносное шествие Вермахта по Польше и Франции, демонстрирующей несокрушимую мощь германского оружия [9: с. 451]. Все это производило на турецкое руководство сильное и при том довольно безрадостное впечатление, которое наряду с другими факторами в конечном итоге вынудило турок стать более уступчивыми на переговорах с Германией. Соответственно, позиции германской дипломатии в этом процессе значительно упрочились [10: с. 98]. 18 июля 1940 года начатые еще весной торгово-экономические переговоры между Третьим рейхом и Турецкой Республикой завершились подписанием торгового договора. Соглашение было рассчитано на один год и предусматривало товарообмен между странами на клиринговой основе на общую сумму в 21 млн турецких лир [5: с. 190]. Примечательно, что в это время немцы не исключали принципиальной возможности привлечения Турции к уже намечающейся войне против СССР и разделу его территории. Об этом, в частности, можно судить по словам Гитлера, сказанным им 31 июля 1940 года на известном совещании в Бергхофе с Верховным командованием Вермахта, когда рейхсканцлер впервые с начала войны открыто заявил о необходимости ликвидировать Россию [2: с. 80].

Однако появление осенью 1940 года в Румынии, в относительной близости от турецких границ, германских войск, вызвало в германо-турецких отношениях очередное напряжение. Сильная обеспокоенность турок была замечена многими дипломатами. Отсутствие точных сведений о дальнейших намерениях немцев значительно усиливало эту нервозность. В турецком руководстве не исключали, что действия Германии могут иметь локальный характер. Но вполне вероятным, по мнению турок, было и то, что эти действия служат укреплению стратегических позиций Германии и Италии для их дальнейшего продвижения на Балканы и в направлении Суэцкого канала. А это уже несло прямую угрозу интересам турецкой безопасности.

Все эти опасения, конечно, были не напрасны. В военно-политической обстановке осени 1940 года немцы не могли ограничиться отправкой небольшого контингента войск в Румынию для охраны нефтепромыслов. Германское руководство было заинтересовано в подчинении своей политике всех Балканских государств. Одним из главных инструментов для этого стал заключенный в Берлине 27 сентября 1940 года Тройственный пакт, окончательно оформивший политический, экономический и военный союз Германии, Италии и Японии [8: с. 367]. И уже в октябре предложение о присоединении к пакту германское руководство сделало Болгарии. Желая избежать напряженности в отношениях со своими соседями и опасаясь протестов внутри страны, болгарское руководство очень сдержанно отнеслось к данному предложению.

Но в конце ноября к пакту примкнули Венгрия и Румыния, что подтверждало самые мрачные прогнозы турок. 28 октября 1940 года Италия совершила нападение на Грецию, тем самым окончательно превратив Балканы в театр военных действий. Это вызвало активизацию балканской политики всех главных участников мирового конфликта и положило начало новому этапу их балканского противостояния.

Таким образом, начиная с лета 1940 года в рамках Балкано-Черноморского региона начал все туже завязываться один из главных узлов неразрешимых противоречий между СССР и Третьим рейхом. Главными объектами их соперничества стали Болгария и Турция в силу особой геополитической и экономической значимости этих стран. И уже к концу осени Германия, умело сочетая дипломатические методы, информационно-пропагандистские средства и открытое политическое давление, подкрепленное угрозой применения военной силы, сумела добиться значительных успехов в борьбе за влияние на эти государства.

Литература

1. *Валева Е. Л.* Советско-германское противоборство на Балканах в контексте международных отношений накануне и в начале Второй мировой войны // Россия, Польша, Германия в европейской и мировой политике. XVI–XX вв: сб. статей. М.: ИНДРИК, 2002. С. 353–368.
2. *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг. Т. 2. М.: Воениздат, 1969. 628 с.
3. *Гибианский Л. Я.* Балканский кризис и Советский Союз // Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров до нападения Германии на СССР: материалы международной конференции. М.: Права человека, 2006. С. 481–528.
4. *Городецкий Г.* Роковой самообман. Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М.: РОССПЭН, 2008. 384 с.
5. *Данциг Б. М.* Торгово-экономические отношения Турции в обстановке войны // Ближний Восток: сб. статей. М.: Наука, 1976. С. 182–191.
6. Документы внешней политики СССР. Т. 23. 1940 – 22 июня 1941: в 2 кн. Кн. 1 (1 января – 31 октября 1940) / под ред. Г. Э. Мамедова и др. М.: Международные отношения, 1995. 752 с.
7. История Второй Мировой войны 1939–1945: в 12 т. Т. 3. Начало войны. Подготовка агрессии против СССР / под ред. А. А. Гречко и др. М.: Воениздат, 1974. 502 с.
8. История международных отношений: в 3 т. Т. 2. Межвоенный период и Вторая мировая война / под ред. А. В. Торкунова, М. М. Наринского, А. Ю. Сидорова. М.: Аспект Пресс, 2012. 496 с.
9. *Папен Ф. фон.* Вице-канцлер Третьего рейха. Воспоминания политического деятеля гитлеровской Германии. 1933–1947: пер. с англ. М.: Центрполиграф, 2005. 590 с.
10. *Постников А. Г.* Германо-британское соперничество в Балкано-Черноморском регионе в контексте международной европейской ситуации накануне и в начальный период II Мировой войны (март 1939 – июнь 1940 гг.) // Германия на перекрестках

истории. Проблемы внутренней и внешней политики в контексте трансформации международных отношений: сб. статей / под ред. А. А. Слинько. Вып. 8. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2017. С. 89–100.

11. Тайны дипломатии Третьего рейха: Германские дипломаты, руководители зарубежных военных миссий, военные и полицейские атташе в советском плену. Документы из следственных дел. 1944–1955. М.: Международный фонд «Демократия», 2011. 880 с.

12. *Туннельскирх К.* История Второй мировой войны. Т. 1. СПб.: ПОЛИГОН, 1994. 291 с.

Literatura

1. *Valeva E. L.* Sovetsko-germanskoe protivoborstvo na Balkanax v kontekste mezhhdunarodny'x otnoshenij nakanune i v nachale Vtoroj mirovoj vojny' // Rossiya, Pol'sha, Germaniya v evropejskoj i mirovoj politike. XVI–XX vv: sb. statej. M.: INDRIK, 2002. S. 353–368.

2. *Gal'der F.* Voenny'j dnevnik. Ezhednevny'e zapisi nachal'nika general'nogo shtaba suxoputny'x vojsk 1939–1942 gg. T. 2. M.: Voenizdat, 1969. 628 s.

3. *Gibianskij L. Ya.* Balkanskij krizis i Sovetskij Soyuz // Mezhhdunarodny'j krizis 1939–1941 gg.: ot sovetsko-germanskix dogovorov do napadeniya Germanii na SSSR: materialy' mezhhdunarodnoj konferencii. M.: Prava cheloveka, 2006. S. 481–528.

4. *Gorodeczkij G.* Rokovoj samoobman. Stalin i napadenie Germanii na Sovetskij Soyuz. M.: ROSSPE'N, 2008. 384 s.

5. *Dancig B. M.* Torgovo-e'konomicheskie otnosheniya Turcii v obstanovke vojny' // Blizhnij Vostok: sb. statej. M.: Nauka, 1976. S. 182–191.

6. Dokumenty' vneshnej politiki SSSR. T. 23. 1940 – 22 iyunya 1941: v 2 kn. Kn. 1 (1 yanvarya – 31 oktyabrya 1940) / pod red. G. E'. Mamedova i dr. M.: Mezhhdunarodny'e otnosheniya, 1995. 752 s.

7. Istoriya Vtoroj Mirovoj vojny' 1939–1945: v 12 t. T. 3. Nachalo vojny'. Podgotovka agressii protiv SSSR / pod red. A. A. Grechko i dr. M.: Voenizdat, 1974. 502 s.

8. Istoriya mezhhdunarodny'x otnoshenij: v 3 t. T. 2. Mezhoenny'j period i Vtoraya mirovaya vojna / pod red. A. V. Torkunova, M. M. Narinskogo, A. Yu. Sidorova. M.: Aspekt Press, 2012. 496 s.

9. *Papen F. fon.* Vice-kancler Tret'ego rejxa. Vospominaniya politicheskogo deyatelya gitlerovskoj Germanii. 1933–1947: per. s angl. M.: Centrpoligraf, 2005. 590 s.

10. *Postnikov A. G.* Germano-britanskoe sopernichestvo v Balkano-Chernomorskom regione v kontekste mezhhdunarodnoj evropejskoj situacii nakanune i v nachal'nyj period II Mirovoj vojny' (mart 1939 – iyun' 1940 gg.) // Germaniya na perekrestkax istorii. Problemy' vnutrennej i vneshnej politiki v kontekste transformacii mezhhdunarodny'x otnoshenij: sb. statej / pod red. A. A. Slin'ko. Vy'p. 8. Voronezh: Voronezhskij gos. un-t, 2017. s. 89–100.

11. Tajny' diplomatii Tret'ego rejxa: Germanskie diplomaty', rukovoditeli zarubezhny'x voenny'x missij, voenny'e i policejskie attashe v sovetskom plenu. Dokumenty' iz sledstvenny'x del. 1944–1955. M.: Mezhhdunarodny'j fond «Demokratiya», 2011. 880 s.

12. *Tippel'skirx K.* Istoriya Vtoroj mirovoj vojny'. T. 1. SPb.: POLIGON, 1994. 291 s.

A.G. Postnikov

Place and Role of the Balkan-Black Sea Region in Political and Military Plans of Germany and the USSR in Summer and Autumn 1940

The article is devoted to some issues of diplomatic and military-political rivalry between the USSR and Nazi Germany for a number of States of the Balkan Peninsula in summer and autumn 1940. The basic techniques and methods that diplomats of both powers used to attract countries such as Romania, Bulgaria and Turkey are analyzed on the basis of Soviet foreign policy documents, post-war testimony of the German foreign Ministry and the memories of some participants in the events.

Keywords: the Bessarabian question; the german propaganda; the neutrality of Turkey; the Tripartite Pact; the Turkish Straits.